

Идентификационный номер: ECH-1984-S-007

Мейлоун против Великобритании

а) Совет Европы / **б)** Европейский суд по Правам Человека / **с)** Пленум / **д)** 02.08.1984 / **е)** / **ф)** Мейлоун против Великобритании / **г)** решение представлено к опубликованию в Сборнике постановлений и решений, серия А,82 / **h)**.

Ключевые слова для системного указателя:

- 2.1.1.4 **Источники конституционного права** - Категории - Письменные источники - Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года.
- 3.9 **Общие принципы** - Правовое государство.
- 3.10 **Общие принципы** - Гарантированность права.
- 3.16 **Общие принципы** - Учет интересов.
- 5.1.4 **Основные права** - Общие вопросы - Пределы и ограничения.
- 5.2.26 **Основные права** - Гражданские и политические права - Право на частную жизнь.
- 5.2.28 **Основные права** - Гражданские и политические права - Неприкосновенность жилища.
- 5.2.29.2 **Основные права** - Гражданские и политические права - Неприкосновенность общения - Телефонные переговоры.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Уголовное судопроизводство / Перехват телефонных разговоров / Разрешение Министра внутренних дел.

Краткая аннотация:

Перехват почтовых и телефонных сообщений и получение сведений посредством фиксации набранных номеров телефонных аппаратов, с абонентами которых велись переговоры, хотя и является законным во внутригосударственном праве, нарушает право на уважение личной жизни и тайны корреспонденции.

Сокращенное содержание:

Заявителю г-ну Джеймсу Мейлоуну, поданному Великобритании, в марте 1977 г было предъявлено обвинение в перепродаже краденых вещей. В конечном счете, он был оправдан. На процессе стало известно, что по поручению полиции в силу санкции, выданной министром внутренних дел, почтовая служба прослушала один из его телефонных разговоров.

В дополнение к этому заявитель считал, что по запросу полиции его корреспонденция просматривалась, его телефонная линия прослушивалась, и что его телефон к тому же был соединен с устройством, которое автоматически регистрировало все номера, которые он набирал на своем телефоне. Помимо признания прослушивания телефонного разговора, о котором было вскользь упомянуто во время судебного заседания, правительство ни подтвердило, ни опровергло подозрений по поводу просмотра корреспонденции и телефонных прослушиваний. Однако оно отрицало факт регистрации номеров звонящих абонентов. Оно, вместе с тем, признало, что заявитель, подозреваемый в продаже краденых вещей, принадлежал к категории лиц, которые могут подвергаться мерам контроля над телефонными и почтовыми сообщениями.

Общественности было известно, что почтовый и телефонный перехват в целях раскрытия и предотвращения преступности осуществлялся в силу санкции министра, обычно министра внутренних дел. Однако в этой области не было кодифицированного законодательства. Тем не менее, различные законодательные положения имели отношение к делу, одно из которых позволяло делать запрос в Почтовую службу, (а затем с 1981 г. в Британскую службу почты и телеграфа – *British Telecommunications*) чтобы она сообщала Короне (высшему государственному чиновнику) некоторые данные, передаваемые службами почт и телекоммуникаций.

Существовала также практика, о которой был проинформирован парламент, заключающаяся в том, что телефонные службы *British Telecommunications* с 1981 г. устанавливали аппаратуру и составляли отчеты о набираемых номерах телефонов по просьбе полиции в связи с ведущимися следственными делами по поводу правонарушений.

В октябре 1978 г. заявитель направил гражданский иск в Высокий суд против префекта полиции Большого Лондона, стремясь получить от него заявление, что все «снятия» телефонных переговоров, осуществляемые без его согласия, являются незаконными, даже если они основываются на санкции министра внутренних дел. Вице-канцлер Канцелярского отделения¹ отклонил его иск в феврале 1979 г.

Суд должен был рассмотреть в свете Ст. 8 ЕКПЧ (право на тайну корреспонденции и на уважение личной жизни) проблему перехвата сообщений и фиксирования телефонных номеров, осуществляемых полицией или по просьбе полиции как в контексте уголовного следствия в целом, так и в юридическом и административном контексте.

Во-первых, Суд установил то, что в данном случае вмешательство в право, гарантированное Ст. 8 ЕКПЧ, имело место. Он счел, что признанное прослушивание телефонного разговора представляет собой «вмешательство» в осуществление его права на уважение личной жизни и тайны корреспонденции. Кроме того, Суд посчитал, что существование в Великобритании и в Уэльсе законов и практики, разрешающих и создающих систему тайного наблюдения за сообщениями, представляет само по себе такое «вмешательство» даже вне всякого предполагаемого применения на практике в отношении заявителя.

Суд далее напомнил, что, согласно юриспруденции, выражение Ст. 8-1 ЕКПЧ «предусмотренный законом» означает, прежде всего, что вмешательство должно иметь основу в национальном законодательстве данного государства. Вместе с тем, помимо соответствия национальному законодательству, оно требует также совместимость этого законодательства с принципом верховенства права. Оно предполагает, таким образом, что внутригосударственное право должно представлять определенную защиту против произвольных покушений органов государственной власти на права, гарантированные Ст. 8-1 ЕКПЧ.

Суд признал, что ввиду особого контекста перехвата сообщений в целях производства следствия полицией нормы Конвенции не могут быть здесь совершенно идентичными по сравнению с их применением в других областях. В соответствии с этим «закон» не должен быть таким, чтобы позволять индивиду предвидеть, как и когда его сообщения подвергаются риску быть прослушанными властями с тем, чтобы он не мог вследствие этого менять свое поведение. Тем не менее, Суд обратил внимание, что закон должен использовать достаточно ясные термины, чтобы всем дать достаточное представление, при каких обстоятельствах и условиях он наделяет публичную власть правом проводить такое тайное и, в буквальном смысле слова, опасное вмешательство в право на уважение личной жизни и тайны корреспонденции.

Кроме того, Суд констатировал, что ввиду того, что применение мер наблюдения не подпадает под контроль, как заинтересованных лиц, так и общественности, «закон» будет противоречить принципу верховенства права, если пределы усмотрения власти будут безграничны. Вследствие этого, закон сам по себе, в отличие от административной практики, которой он сопровождается, должен определить объем и условия осуществления таких полномочий с достаточной ясностью по отношению в установленной законом цели с тем, чтобы обеспечить индивиду адекватную защиту против произвольных действий.

¹ Одна из палат Высокого суда юстиции Великобритании.

Что касается применения в данном случае указанных общих принципов, Суд счел, что при рассмотрении материалов дела, внутригосударственное законодательство, регулирующее перехват сообщений по поручению полиции, являлось неясным и становилось предметом различных оценок. В частности, нельзя сказать с достаточной уверенностью, в какой степени полномочия по прослушиванию находятся инкорпорированными в правовые нормы, а в какой - в пределах усмотрения исполнительной власти. По мнению Суда, законодательство Англии и Уэльса не раскрывает с достаточной ясностью объем и условия осуществления полномочий властей по усмотрению в рассматриваемой области. В соответствии с этим отсутствует минимальный уровень правовой защиты, предполагаемой верховенством права в демократическом обществе.

Суд, таким образом, пришел к выводу, что вменяемые вмешательства не были «предусмотрены законом» в смысле Ст. 8-2 ЕКПЧ.

Во-вторых, Суд рассмотрел вопрос о необходимости вмешательства «в демократическом обществе» с точки зрения достижения законной цели. Суд констатировал, что, вне всякого сомнения, существование законодательства, разрешающего перехватывать сообщения для оказания помощи уголовной полицией для осуществления ее задач, может быть «необходимым» «для поддержания порядка и предупреждения уголовных правонарушений». Однако, в демократическом обществе принятая система наблюдения должна быть сопровождается достаточными гарантиями против злоупотреблений.

В свете этих выводов Суд не счел себя обязанным определять далее, в чем заключались другие гарантии, требуемые Ст. 8-2 ЕКПЧ по отношению к перехвату оспариваемых сообщений. Он констатировал, что нарушение Ст. 8 ЕКПЧ в этой связи имело место.

В последнюю очередь Суд констатировал, что само существование практики «регистрации» телефонных номеров звонящих абонентов противоречит Ст. 8 ЕКПЧ. В протоколе перехвата содержится информация, в частности, набранные номера, которые составляют часть телефонных сообщений. Суд счел, что передача этой информации полиции без согласия абонента прямо является вмешательством в осуществление права, защищенного Ст. 8 ЕКПЧ. Поскольку правительство признало, что заявитель находился под угрозой существующей в этом отношении практики, он мог утверждать, что является жертвой нарушения Ст. 8 ЕКПЧ.

Суд не смог обнаружить никакой нормы внутреннего права, относящейся к объему и способам осуществления полномочий по усмотрению, которыми органы власти пользовались в данной области. Как следствие, Суд пришел к выводу, что, будучи законным во внутригосударственном праве, вышеуказанное вмешательство не было «предусмотрено законом» в смысле Ст. 8-2 ЕКПЧ.

Языки судопроизводства:

Английский, французский.